

В.О.Шипулин

ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

Статья исследует феномен российской коллективной идентичности в свете трансформации информационно-коммуникативной матрицы современного общества. Показывается, что несмотря на то, что информационное пространство открыто для реализации самых разных политических и культурных стратегий, в целом происходящие внутри него процессы не способствуют укреплению российской идентичности. Так, современные информационные технологии могут использоваться в целях популяризации локальных способов коллективной самопрезентации, нередко альтернативных общероссийской, что создает риск разрыва ткани единой российской идентичности изнутри. Кроме того, всемирный масштаб воздействия электронных СМИ и социальных сетей подрывает информационный суверенитет отдельных государств, тем самым продуцируя опасность растворения кодов и смыслов русской / российской культуры и самосознания в глобальном информационном и культурном континууме. Наконец, актуальные тренды развития информационно-коммуникативной среды способствуют формированию новых представлений относительно самой сущности идентичности, придают этому феномену характер процессуальности и постмодерного эклектизма.

Ключевые слова: коллективная идентичность, Россия, информационно-коммуникативное пространство, онлайн- и оффлайн-среда, глобализация

Существуют различные форматы коллективной идентичности. Рассуждая в настоящей статье об идентичности со страной, мы имеем в виду наличие в мировосприятии большинства ее жителей таких когнитивных, ментальных, социально-психологических установок, которые, с одной стороны, позволяют зафиксировать историческое, социокультурное своеобразие, отличающее эту страну от других, а с другой — способствуют ощущению факта собственной сопричастности к ней и к сообществу людей, в ней проживающих. Формальным условием для подобной идентичности выступает устойчивая связь людей с территорией, на которую распространяется политический суверенитет конкретного государства, зафиксированная в институте гражданства; формирующаяся на такой основе общность нередко выражается понятием политической нации. Впрочем, соблюдение данного условия еще не гарантирует того, что обозначенная выше модель коллективной идентификации имеет место де-факто, а в тех случаях, когда ее наличие вроде бы не вызывает сомнений, она нередко предстает как весьма релятивный феномен с неопределенной совокупностью характеристик.

Российская коллективная идентичность, как видится, не представляет собой окончательно сформировавшейся данности (и станет ли и она таковой впоследствии — большой вопрос). С одной стороны, Россия — страна с тысячелетней историей, всемирно признанной культурой, государственным языком, которым владеет практически все ее население. С другой стороны, в течение всей длительной эволюции российского государства и общества состояние его институтов, культуры, коллективного мирозерцания отличалось необычайной сложностью и противоречивостью. Во многом причиной тому — этническая, конфессиональная, региональная неоднородность российского социума. Будучи огромным геополитическим пространством, Востоко-Западом (Бердяев), Россия инкорпорирует в себя элементы различных культур, систем ценностей, традиций, жизненных укладов. Б.Г.Капустин, говоря об основаниях российской цивилизации, отмечает, что «...та социальная ткань, то многообразие народов, из которого она сформировалась, заключали в себе различные нормативные системы, не способные к самопроизвольному сращиванию, конвергенции, синтезу...» [1]. Неудачная попытка осуществления советского проекта и консолидации общества на основе коммунистической идеологии, лишь подтверждает сказанное.

Современная российская политическая элита, реагируя на последствия распада СССР и деструкцию большинства идентификационных механизмов и фреймов прежней эпохи, предпринимала и продолжает предпринимать целенаправленные усилия, направленные на формирование у жителей страны новой, уже российской коллективной идентичности. Важнейшим ее элементом, наряду, например, с памятью о победе в Великой Отечественной войне и иных событиях общего исторического прошлого, должна, очевидно, стать идея единой российской нации. В нашей стране учреждена и регулярно вручается Государственная премия за укрепление единства российской нации, это понятие официально узаконено, будучи упомянутым, в частности, в «Стратегии государственной национальной политики РФ» [2]. Однако и в этом документе, и в преамбуле Конституции РФ оно используется как синоним формулировки «многонациональный народ Российской Федерации». То есть получается, что констатация бытия единой нации не отрицает ее одновременного существования в качестве совокупности множества отдельных наций. Признавая глубокий философский и политический смысл такой диалектики, можно, однако, предположить, что населению тех стран, где в силу исторических и иных обстоятельств не приходится рассуждать подобным образом, легче прийти к консенсусу по поводу содержания своей национальной идентичности. Впрочем, современный взаимозависимый мир с его миграционными потоками делает задачу интеграции людей разного происхождения актуальной для многих

государств — не случайно концепт мультикультурализма становится все более употребляемым в дискурсе современной научной теории и прикладной политики.

Глобальные процессы в современном мире накладывают свой отпечаток на динамику коллективной идентичности в различных странах, в том числе, разумеется, и в России. Итогом таких тенденций, как интернационализация экономики, становление всемирного информационного пространства, растущее влияние международных неправительственных организаций — правозащитных, экологических и пр. в перспективе может стать кризис института суверенного государства как источника гражданской идентичности, риск эрозии национально-культурной матрицы отдельных стран. В силу того, что глобализация в современную эпоху, как и прежде, нередко имеет характер экспансии западных политических, социальных и культурных стандартов и ценностей в другие регионы, вновь актуализируется традиционная для российского коллективного самосознания идеологическая дилемма: следовать модным трендам мирового (западного) развития или же сохранять приверженность собственным духовным, культурным и политическим традициям.

Рассуждая об идентичности следует иметь в виду и то обстоятельство, что современной науке нет однозначной точки зрения относительно ее сущности. Некоторые исследователи (З.Бауман, Р.Брубейкер, Ф.Купер) [см, например, 3], отталкиваясь от выдвигаемого в рамках социального конструктивизма предположения о перманентной изменчивости идентичности и неопределенности смысла самой этой категории, вовсе отказывают идентичности в самостоятельном онтологическом статусе и предлагают трактовать это явление не как фиксированное состояние, а как процесс. По мнению З.Баумана, «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [4, с. 192]. Этот нетрадиционный, но весьма популярный ныне взгляд на феномен идентичности вполне созвучен отвергающим эссенциализм и утверждающим плюральность и текучесть всего существующего установкам интеллектуальной парадигмы постмодернизма. Отрицая всякую внешнюю предзаданность, постмодернизм в то же время оставляет возможность самостоятельного определения индивидуумом собственной идентичности — как посредством отождествления себя с каким-либо уже существующим ее внешним образцом, так и в процессе созидания абсолютно новой формы самоидентификации, причем процесс такого самопроектирования может быть бесконечным.

Коллективная идентичность предстает с этой точки зрения предельно эфемерной сущностью, ее становление все в меньшей степени ассоциируется с «конструированием символических и организационных границ социального взаимодействия» [5, р. 76] в пределах государственного политико-правового пространства, все очевиднее выступая результатом самодетерминации и самоорганизации групп по тому или иному критерию (или их совокупности) в рамках экстерриториального гражданского общества. Выясняется, что подобному самовыражению отнюдь не препятствует глобализация, напротив, вполне можно допустить, что взамен утрачивающих свою легитимность макросоциальных общностей эпохи модерна возникнет множество новообразованных разнокачественных и разномасштабных моделей коллективной идентичности, в том числе осознанно проектируемых. Среди них могут быть как сообщества, формирующиеся по принципу языка, национальности, культуры (а все эти феномены в парадигме постсовременности также могут рассматриваться как имеющие конструктивно-процессуальный характер), так и, к примеру, виртуальные сообщества, возникающие в пространстве глобальной информационной сети и заменяющие входящим в них участникам более традиционные формы социальной интеграции.

Информационно-коммуникативная среда вообще оказывает серьезное влияние на содержание коллективной идентичности, направленность, скорость и интенсивность ее динамики. Доминирующие в ней дискурсивные процессы и способы трансляции информации способны как стабилизировать, так и поставить под сомнение представление людей об их совместной причастности к некоему социокультурному целому. Имеет значение то, кто и что выступает в качестве основных субъектов трансляции образов, идей и символов, формирующих те или иные коллективные представления, имеет ли место информационный плюрализм или диктат, осуществляется ли обратная связь внутри системы социальных коммуникаций. Неслучайно, например, что формирование коллективных идентичностей в форме наций, имевшее место в Европе эпохи модерна, оказалось возможным во многом благодаря осуществлению соответствующих информационных стратегий политическими и культурными элитами возникающих в то время суверенных государств. Закономерно и предположение, что становление пространства глобальных коммуникаций в перспективе способно вызвать кризис данного типа идентичности.

Противоречия и трансформации современной российской коллективной идентичности также могут анализироваться в контексте вовлеченности государства и общества в информационно-коммуникативные процессы различного уровня и характера. Особый интерес здесь представляет роль новых, сетевых способов обмена информацией. Государственные усилия, направленные на укрепление единства российского общества, продвижение в коллективное сознание концепта российской нации, в первую очередь находят свое выражение в проведении ориентированной на эти цели информационной политики, центральное место в которой занимают федеральные СМИ. Важнейшим информационно-коммуникативным инструментом формирования коллективной идентичности выступает язык — в данном случае русский, использование и государственный статус которого закреплены на официальном уровне. Вместе с тем, упоминание в конституции факта

многонациональной сущности народа России вкупе с наличием в системе административно-территориального устройства страны значительного количества субъектов, определяющих себя по национальному признаку и имеющими право на осуществление самостоятельной культурной и языковой политики, вызывает к жизни информационные стратегии, не всегда совпадающие с теми, что инициируются на федеральном уровне, а в некоторых случаях и с ними конкурирующие. В качестве средств реализации таких стратегий задействуются местные СМИ, национальные языки, образовательные институты республик РФ.

Развитие сетевых информационно-коммуникативных технологий может способствовать как укреплению солидарности российского социума, так и наоборот. С одной стороны, российский сегмент сети Интернет является по преимуществу русскоязычным, что волей-неволей способствует выработке ощущения причастности к единой культурной общности, пусть и выраженной в данном случае лишь в языковой форме, у людей с различными социальным, политическим, конфессиональным, этническим, региональным статусом. С другой стороны, интернет-пространство является тем топосом, где могут осуществляться разнообразные способы национальной и этнокультурной самопрезентации. В отечественной виртуальной информационной среде существует множество групп и сообществ, созданных с этой целью, причем их участниками становятся как представители т.н. коренных народов страны, так и тех, чья родина находится за пределами России. Так, прибывающие из стран бывшего СССР трудовые мигранты, нуждаясь в адаптации и самоорганизации в чужой для себя реальности, подчас образуют новые (временные или постоянные — это отдельный вопрос) квазиэтнические способы самоидентификации — «русские азербайджанцы», «московские армяне», «томские узбеки», и нередко это происходит именно в коммуникативном поле интернета. Исследователи отмечают такие функции подобных виртуальных этнокомьюнити, как трансляция национальной культуры через использование графического, аудио и видеоконтента, сохранение национальной языковой компетенции через общение, в том числе на национальном языке, координация деятельности национальных оффлайн-сообществ и анонсирование культурно-национальных мероприятий, оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации, трудоустройства и пр.[6, с. 62-75].

Российская ситуация в данном случае не специфична. Аналогичные процессы происходят как в других странах, так и в мире в целом. При этом, как уже было отмечено, глобальные транснациональные и транскультурные тренды современности отнюдь не препятствуют стремлению к артикуляции старых и новых локальных идентичностей, а становление общего для всего мира информационного континуума, позволяющего фиксировать новые мы-идентичности не только в пределах определенного регионального локуса, а в экстерриториальной виртуальной среде, весьма способствует этому. Причин тут несколько.

Во-первых, глобальное сетевое коммуникативное пространство позволяет гораздо более эффективно манифестировать себя в поле общественного внимания акторам политического, гражданского, религиозного, экологического активизма, находить поддержку своим лозунгам и идеям за пределами собственных стран, объединяя сторонников в виртуальные сообщества без привязки к определенному топосу.

Во-вторых, нередко вновь созданные или реконструированные коллективные идентичности (культурные, этнические, региональные и пр.) используют современные информационные технологии для презентации собственной самобытности прочим участникам межкультурных интеракций в качестве бренда, товара, с помощью этих средств им намного проще обеспечить себе «место бутика в пространстве глобального супермаркета, который удовлетворяет потребность Homo postmodernus в экзотике» [7, с. 37].

И в-третьих, вовлеченность подавляющей части населения планеты во всемирную сеть коммуникаций *volens nolens* релятивизирует, подрывает информационный суверенитет традиционных субъектов международной политики — национальных государств. Мир, в котором исчезают барьеры для распространения информационных потоков самого разного содержания, предоставляет возможность заявить о собственной субъектности всякому ранее непризнанному сообществу, которое имеет для этого основания и найдет желающих согласиться с этим.

Для российской идентичности глобальный масштаб воздействия и экспоненциальное расширение функциональности сетевых информационно-коммуникативных технологий означают еще один вызов — в дополнение к их активному применению для реконструкции/производства новых, альтернативных традиционным, форматов коллективной самоорганизации и солидарности (что в условиях федеративного устройства государства, этнического и конфессионального плюрализма российского социума может восприниматься официальными элитами как определенный риск для политической стабильности). Дело в том, что глобальные каналы информационной коммуникации (СМИ, социальные сети) с их корпоративными правилами и ценностями являются, как правило, продуктом американской экономики, политики и культуры. И если для англосаксонского мира и Запада в целом подобное положение выглядит вполне приемлемым, то для стран с иной цивилизационной матрицей их влияние может стать еще одним стимулом для социокультурного раскола внутри социума: доминирующий в глобальном культурном и информационном поле потребительски-космополитический дискурс вступает в конфликт с дискурсом патриотически-традиционалистским. Немалая часть россиян (в особенности молодежь), погружаясь в мир сообщений и образов, продуцируемых и транслируемых, к примеру, в пространстве Всемирной паутины, все больше ассоциирует себя с вненациональным сообществом потребителей материальных и культурных ценностей, и, напротив, слабее ощущает собственную причастность к родной культуре и традициям, российской идентичности вообще. Для многих из них если и сохраняется потребность в коллективных версиях самоидентификации, то в качестве таковых используются экстерриториальные виртуальные сообщества по интересам.

При этом сама природа сетевой онлайн-реальности, актуализируемые в ней коммуникативные и дискурсивные практики, подчас существенно отличающиеся от привычных способов межличностной и межгрупповой интеракции, накладывают специфический отпечаток на мировосприятие субъектов виртуального общения. Уже упоминавшаяся экстерриториальность виртуальной среды, нефиксируемый социальный статус участников создаваемых в ней групп, децентрированный, ризомно-хаотичный характер их развития непроизвольно способствуют эластичности мышления пользователей социальных сетей, усвоению ими ценности индивидуальной свободы. Особенностью информационно-коммуникативной структуры современного социума становится также то, что если прежде онлайн-комьюнити чаще всего выступали лишь формой инобытия реально существующих коллективных общностей, заявляя себя в качестве альтернативы общепринятым ранее способам межличностной коммуникации, то сегодня многочисленные группы, изначально рожденные в виртуальных сетях, оказывают все более очевидное влияние на оффлайн-среду, побуждая ее реагировать на возникающие со стороны акторов сетевого пространства запросы и трансформироваться в нужном им направлении. Информационному давлению такого рода подвергаются как традиционные ценности: религиозные, семейные, государственно-патерналистские, так и выступающие для них основой соответствующие формы коллективной идентичности.

Наконец, возрастание роли сетевых информационных технологий в обществе начала XXI века ведет к тому, что представление о стабильном характере идентичности — персональной и коллективной, естественно сформировавшейся или искусственно сконструированной — продолжает терять убедительность. Легкость, с которой возникают и исчезают те или иные сообщества в онлайн-пространстве, а отдельные индивиды конструируют и трансформируют в нем свой виртуальный образ, способствует приданию феномену идентичности процессуального, а то и вовсе призрачного характера. Всякий участник сетевых коммуникаций способен интегрировать в себе одновременно множество вариантов онлайн- и оффлайн-самоидентификаций, частично напоминающих социальные роли, набор которых при этом постоянно варьируется. По сути такая ситуация означает отсутствия устойчивой «Я-идентичности» у человека, который, по словам Ж.Делёза и Ф.Гваттари, «всегда децентрирован, будучи *выведенным* из состояния, через которые он проходит» [8, с. 40]. Такого рода вариабельная природа индивидуума (который, вопреки латинскому значению этого термина, оказывается бесконечно делимым), сопряжена также с перманентной необходимостью выбирать адекватную форму самопрезентации в различных контекстах социальной реальности, которая, в условиях сегодняшнего переизбытка информационных потоков и каналов, тоже предстает как калейдоскопически изменчивая. Современная гиперинформатизация выступает и как одна из причин кризиса идентичности коллективной, в том числе и российской: по мере того, как объем информации, продуцируемой СМИ, рекламными сообщениями, виртуальными сетями становится таким, что превышает возможности человеческого интеллекта по его осмыслению, а «хаос стремительного и зачастую безответственного производства смыслов рождает ментальный хаос» [9, с. 28], сохранять и воспроизводить в сознании людей общие нарративы исторической памяти, образы и идеалы национальной культуры, прочие атрибуты идентичности со страной становится весьма затруднительно.

Таким образом, хотя информационно-коммуникативное пространство является открытой средой для продвижения самых разных культурных и политических стратегий, в том числе и ориентированных на консолидацию социума, в целом его современное состояние вряд ли может рассматриваться как фактор, способствующий укреплению российской коллективной идентичности. Во-первых, современные информационные технологии — и традиционные, и особенно сетевые — активно применяются для формирования и продвижения локальных моделей коллективной идентификации, альтернативных общероссийской, тем самым продуцируя риск разрыва ткани единой российской идентичности изнутри. Во-вторых, всемирный масштаб воздействия электронных СМИ и социальных сетей подрывает информационный суверенитет отдельных государств, тем самым продуцируя опасность растворения в глобальном информационном и культурном континууме аутентичных кодов и смыслов русской/российской культуры и самосознания, то есть представляет угрозу для национальной коллективной идентичности уже извне. Наконец, тренды, определяющие развитие информационно-коммуникативной среды современного социума, способствуют формированию новых представлений относительно онтологии идентичности, придавая этому феномену характер процессуальности и постмодерного эклектизма.

Каковы же перспективы российской коллективной идентичности и существует ли у политической элиты страны оптимальная стратегия реагирования на обозначенные выше вызовы? Вряд ли в ближайшем будущем какой-либо альтернативный государству институт окажется способен предпринять усилия по сохранению в коллективном сознании россиян чувства принадлежности к единой гражданской и социокультурной общности. Следует ожидать, что традиционно применяемые с этой целью механизмы (СМИ, система образования, культурная политика и пр.) будут адаптированы к реалиям информационной эпохи, и продвижение ценностей патриотизма и общественной солидарности при помощи сетевых технологий поспособствует их популяризации. Однако невозможность для современной информационно-коммуникативной реальности ситуации доминирования-монолога какого-либо привилегированного дискурса означает, что официальная позиция в вопросе об идентичности будет восприниматься лишь как одна из множества альтернативных, любые же попытки осуществления информационно-идеологического диктата сегодня являются не просто технологически нереализуемыми, но контрпродуктивными по причине их негативного восприятия в сознании

социума. Поэтому остается лишь надеяться, что такие формальные аспекты, как общее гражданство, опыт совместного проживания в одной стране, массовое владение русским языком и т.д. все же не позволят российской идентичности окончательно исчезнуть, а новые форматы самоопределения и совместного существования людей, которые, вероятно, возникнут в информационном обществе будущего помимо и вместо прежних, смогут обеспечить последовательное развитие человечества в соответствии с идеалами гуманизма и социальной справедливости.

1. Капустин Б.Г. Россия и Запад: путь к миру миров // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. Научный альманах. М.: Наука, 1994. 256 с.
2. Указ президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в редакции Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703) [Электр. ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 05.02.2020).
3. Брубейкер Р., Коупер Ф. За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2010. С. 131-192.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
5. Eisenstadt S.N. The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordiality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. A Collection of Essays by S.N.Eisenstadt. Leiden: Brill, 2003. P. 75-134.
6. Глухов А.П., Окушова Г.А. Ключевые функции этносообществ социальных сетей в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности и сохранении национальной культуры // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности (сборник материалов исследования). Томск, 2015. 126 с.
7. Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 30-42.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
9. Ильин А.Н. Проблема инфомационного консьюмеризма // Информационное общество. 2013. № 6. С. 22-28.

References

1. Kapustin B.G. Rossiya i Zapad: put' k miru mirov [Russia and the West: the Way to a Peace of Worlds]. Tsivilizatsii i kultury, iss. 1. Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya. Nauchnyy al'manakh. Moscow, 1994. 256 p.
2. Ukaz prezidenta RF "O strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" (v redaktsii Ukaza Prezidenta RF ot 06.12.2018 g. № 703) [The decree of the President of Russian Federation "About the Strategy of the State National Policy of Russian Federation until 2025" (in edition of the Decree of the President of the Russian Federation of 06.12.2018 No. 703)]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (accessed: 05.02.2020).
3. Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity". Theory and Society. Dordrecht, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 1-47 (Rus.ed.: Za predelami identichnosti. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma. Moscow, 2010, pp. 131-192).
4. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge, 2001. 268 p. (Rus. ed.: Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow, 2005. 390 p.).
5. Eisenstadt S.N. The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordiality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications. In: Comparative Civilizations and Multiple Modernities, vol. 1. A Collection of Essays by S.N.Eisenstadt. Leiden, 2003, pp. 75-134.
6. Glukhov A.P., Okushova G.A. Klyucheveye funktsii etnosobshchestv sotsial'nykh setey v translyatsii i vosproizvodstve virtual'noy etnonatsional'noy identichnosti i sokhraneni natsional'noy kultury [Key functions of ethnic communities of social networks in translation and reproduction of virtual ethno-national identity and preservation of national culture]. Coll. of papers "Sotsial'nye seti kak ploshchadka etnicheskoy kommunikatsii i sredstvo predpisaniya etnonatsional'noy identichnosti". Tomsk, 2015. 126 p.
7. Apollonov I.A., Tarba I.D. Problema osnovaniy etnokul'turnoy identichnosti v kontekste globalizatsii [The Problem of the Grounds of Ethno-Cultural Identity in the Context of Globalization]. Voprosy filosofii, 2017, no. 8, pp. 30-42.
8. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Édipe. Paris, Les éditions de minuit, 1972. 496 p. (Rus.ed.: Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg, 2007. 672 p.).
9. Il'in A.N. Problema infomatsionogo kons'yumerizma [The Problem of information consumerism]. Informatsionnoe obshchestvo, 2013, no. 6, pp. 22-28.

Shipulin V.O. Dynamics of Russian collective identity: information and communication context. The article analyzes the dynamics of Russian collective identity in the context of the transformation of modern society's information and communication matrix. The author explains that despite the fact that the information space is open to the implementation of a variety of political and cultural strategies, in general, the processes taking place within it do not contribute to the strengthening of the Russian collective identity. Modern information technologies are often used to reconstruct / produce alternative local collective identification models, creating a risk of breaking the fabric of Russian national identity from within. In addition, the development of global electronic media and social networks undermines the information sovereignty of the nation-state, and therefore poses a threat to Russian culture and identity. Finally, current trends in the development of the information and communication environment lead to new views of the nature of identity. This phenomenon appears to be highly volatile and eclectic.

Keywords: collective identity, Russia, information and communication space, online and offline environment, globalization.

Сведения об авторе. Всеволод Олегович Шипулин — кандидат философских наук (специальность 09.00.11), доцент по кафедре философии; доцент кафедры теории, истории и философии культуры Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8921-3752; Vsevolod.Shipulin@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.